

Секретно

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ

тов. Громыко А.А. с Государственным секретарем США
Раском, состоявшейся 27 сентября 1961г. в Нью-Йорке

В начале беседы Раск сказал, что президент Кеннеди хотел бы встретиться со мной до моего отъезда из Нью-Йорка. При этом Раск выразил надежду, что до этой встречи нам удастся найти взаимопонимание по проблемам Германии и Берлина, а также по более широкому вопросу европейской безопасности. Он выразил пожелание выслушать любые дополнительные соображения на этот счет.

Я ответил, что буду рад нанести визит президенту Кеннеди и обсудить с ним вопросы, интересующие оба правительства. Далее я согласился с необходимостью того, чтобы обе стороны приложили усилия, чтобы сблизить позиции. Это полностью соответствует желаниям Советского правительства и именно этим я руководствовался, излагая позицию Советского правительства при первой встрече.

Сославшись на замечание Раска в отношении европейской безопасности, а также на его высказывания во время прошлой встречи о мероприятиях "стратегического характера", касающихся европейской безопасности, я отметил, что он высказал эту мысль лишь в общем виде, не уточняя, что конкретно при этом подразумевается.

В связи с этим нам трудно высказать свое отношение к этой мысли. По твердому убеждению Советского правительства, требованию укрепить европейскую безопасность более всего отвечает заключение германского мирного договора, подведение окончательной черты под второй мировой войной. Мы ставим этот вопрос перед Вами, чтобы иметь более ясное представление о позиции правительства США в связи с теми заявлениями, насчет европейской безопасности, которые Вы сделали при прошлой встрече.

Раск заметил, что он не помнит точно, пользовался ли он выражением "мероприятия стратегического характера", но во всяком случае оно отражает существо дела. Он хотел бы высказать следующие замечания.

Советское правительство выдвинуло предложения, касающиеся разрешения германского вопроса и вопроса о Западном Берлине. Однако, как явствует из высказываний Н.С.Хрущева в Вене и после венской встречи, а также из вчерашней речи министра иностранных дел СССР на сессии Генеральной Ассамблеи, Советский Союз озабочен проблемами безопасности в Германии и в Центральной Европе. США также заинтересованы в европейской безопасности, да и не могут не быть заинтересованными в этом, поскольку это касается в целом отношений между странами НАТО и Варшавского пакта.

Мы все понимаем, продолжал Раск, что как Н.С.Хрущев, так и Д.Кеннеди не хотели бы войти в историю как государственные деятели, председательствовавшие при уничтожении человечества, при мировой катастрофе. Поэтому вопросы безопасности в мире в равной мере касаются Советского Союза и Соединенных Штатов.

У правительства США вызывает беспокойство тот факт, что рамки, в которых Советский Союз предлагает вести переговоры, слишком узки, чтобы обсудить этот вопрос. Советское правительство выдвинуло свои предложения и заявляет, что оно теперь ожидает предложений со стороны западных держав, однако, как только речь заходит о том, что должно обсуждаться, Советское правительство говорит, что обсуждению подлежит лишь вопрос о заключении германского мирного договора и урегулировании на его основе положения в Западном Берлине. Мне кажется, что, помимо германского и берлинского вопросов, необходимо учесть и более широкий круг вопросов, касающихся европейской безопасности.

У нас складывается впечатление, заявил Раск, что быть может Советский Союз также считал бы целесообразным обсудить более широкий круг вопросов, касающихся европейской

безопасности. Однако у нас нет ясного представления о рамках возможного обсуждения, о примерной повестке дня для разумных переговоров, а то, что предлагает Советский Союз, представляется нам, повторяю, слишком узким.

Я хотел бы задать вопрос, который затрагивался и во время нашей первой встречи: считает ли Советский Союз возможным обсудить германский вопрос, берлинский вопрос и вопросы европейской безопасности, причем так, чтобы обе стороны могли свободно выдвигать свои предложения по всем вопросам, которые были бы рассмотрены с целью выработки согласованного урегулирования. США не очень расположены вести обсуждение, если, как нам кажется, о любых предложениях, которые во всех деталях не совпадают с советскими, будет заявлено, что они не подлежат обсуждению.

Я не хочу, конечно, этим сказать, что мы хотим заранее заручиться согласием на любые наши предложения, однако, мне хотелось бы попытаться заранее понять, что можно будет обсуждать.

Ответил Раску, что вопрос о мирном договоре не выдуман Советским Союзом. Этот вопрос выдвинут в порядок дня самой жизнью. Ведь уже более 16 лет прошло после окончания второй мировой войны, а мирное урегулирование с Германией еще не завершено. Отсутствие германского мирного договора породило опасное положение в Германии, да и во всей Европе. Правительству США известно, как Советский Союз оценивает положение. Об этом Н.С.Хрущев говорил в Вене президенту Кеннеди. Так что сейчас едва ли необходимо повторять сказанное, тем более, что при нашей прошлой беседе немало говорилось об этом.

Советское правительство пришло к твердому выводу, что дальше откладывать решение вопроса о заключении германского мирного договора невозможно. Необходимо, наконец, подвести окончательную черту под второй мировой войной. Это больше всего соответствовало бы интересам европейской безопасности, в чем должны быть заинтересованы все государства. Советский

Союз заинтересован в этом не меньше, а, пожалуй, больше, чем США, так как СССР - европейская страна, которая к тому же дважды подвергалась агрессии со стороны германского империализма, германского милитаризма. По этим причинам Советский Союз и занял хорошо известную твердую позицию в отношении необходимости заключения германского мирного договора. Повторяю, Советское правительство убеждено, что заключение германского мирного договора больше всего соответствует интересам безопасности Европы.

Вы говорили о возможности рассмотрения и других вопросов, имеющих отношение к европейской безопасности. Мы не можем говорить о вопросах, которые Вы имеете в виду, так как не знаем, о чем конкретно идет речь. Как известно, Советский Союз выступает за решение и других вопросов, направленных на уменьшение напряженности в мире и за улучшение обстановки в Европе. На данной сессии Генеральной Ассамблеи он сам выдвинул известным правительству США предложения на этот счет.

Но нам трудно реагировать на высказанную Раском мысль о целесообразности обсудить какие-то другие вопросы, так как, во-первых, нам не известно, о чем именно идет речь, и, во-вторых, нам не известно, как эти вопросы ставятся. Если эти вопросы ставятся так, что без достижения договоренности по другим вопросам европейской безопасности невозможно решить вопрос о германском мирном договоре - это одно дело, и это неприемлемо. Если же вопрос ставится так, что, кроме мирного договора, есть и другие вопросы обеспечения европейской безопасности, требующие своего решения - это другое дело. Если Раском будет сделано уточнение, то Советское правительство и лично его глава Н.С.Хрущев будут информированы о том, как правительство США и другие западные державы ставят вопрос, о котором Вы говорили. Правительство США тогда узнало бы о реакции Советского правительства на свое предложение. Нужно было бы, заявил я, в ходе наших бесед - и это касается обеих сторон - более откровенно и

более четко ставить вопросы и стараться найти точки соприкосновения между позициями. Нам кажется, что, сознавая эту огромную ответственность за судьбы мира, правительства наших стран должны сделать все возможное, о чем говорили и Вы во время прошлой беседы, для того, чтобы ликвидировать опасность столкновения и найти мирное решение проблем, которые нас разделяют. А проблема номер один - это сейчас заключение германского мирного договора.

Поскольку опасность войны в последнее время не уменьшается, а, наоборот, возрастает, то необходимо искать кратчайшие пути для выяснения возможностей достижения договоренности. Неясности и оговорки делу не помогают. Советское правительство выдвинуло и много раз мотивировало свои предложения о заключении германского мирного договора и урегулировании на его основе положения в Западном Берлине. Советское правительство неоднократно выражало готовность выслушать предложения западных держав по вопросу о германском мирном договоре. Однако по сей день у нас нет предложений западных держав.

Раск, отвечая, заявил, что США и СССР имеют общую заинтересованность в том, чтобы предотвратить крупные столкновения в мире. Я согласен, сказал он, что многое зависит в этом отношении от СССР и США, и полностью разделяю эту мысль. Конечно, сказал Раск, США не позволят себя вовлечь во что-то, что не диктуется их жизненными интересами. То же самое, очевидно, касается и Советского Союза. Сейчас с обеих сторон нет достаточно точного понимания в отношении мирного договора и того, что он означает. Правительство США не ищет путей спасти лицо, как об этом иногда говорят. Оно беспокоится за свои жизненные интересы и свои обязательства, которыми оно не может поступиться.

Если рассматривать положение в широком плане, то необходимо отметить, что в Германии сложилось положение, которое не устраивает ни Советский Союз, ни США. Советский Союз имеет свое мнение, как следует исправить это положение, а США имеют на этот счет свое мнение, причем мнения эти не сходятся. Встает вопрос, как сделать, чтобы согласовать эти позиции.

Следует сказать, что в Германии до сих пор сохранялась мирная обстановка: существовал какой-то модус-вивенди и западные державы не собирались изменять это положение силой. Необходимо, конечно, признать, что в этом районе существуют как бы обнаженные нервы, вызывающие болезненную реакцию и беспокойство сторон. Одним из таких обнаженных нервов, с точки зрения СССР, видимо, явился поток беженцев, направлявшихся через Восточный Берлин в Западный Берлин. Я, конечно, не ожидаю, что Советское правительство может на 100% поверить этому, но США отнюдь не поощряли такой поток. Вполне естественно, что такое положение вызывало беспокойство у властей Восточной Германии. И вы приняли определенные меры, чтобы успокоить боль от этого обнаженного нерва, меры, которые - и мы с этим согласны - отвечают жизненным интересам Советского Союза.

Когда нам говорят о мирном договоре, то беспокойство у США вызывает не сам этот документ, а те практические последствия, которые могут проистекать из него. Заключение такого договора создает угрозу ликвидации наших прав в Западном Берлине. Ваша цель - фундаментально изменить наши права в Западном Берлине, так что мы будем вынуждены договариваться с Ульбрихтом, и будут нарушены жизненные интересы США и других западных держав. Мы, конечно, не можем отдать наших жизненных интересов Ульбрихту, не можем согласиться на то, чтобы Советский Союз в одностороннем порядке ликвидировал наши права. Вот что для нас составляет обнаженный нерв.

Вы говорите, что доступ в Западный Берлин будет обеспечен, но ведь это вопрос, который должны решать четыре державы, а не Ульбрихт. Когда мы сопоставляем заявления Н.С.Хрущева и Ульбрихта по этому вопросу, у нас иногда складывается впечатление, что между ними идут какие-то дебаты. Хотя мы понимаем, добавил Раск, что никаких дебатов нет, а разные голоса говорят об одном и том же.

Доступ западных держав в Западный Берлин, наше присутствие там - это, если рассматривать вопрос с обратной

стороны, обязательство и Советского Союза, и он не может передать это обязательство кому-либо другому. Мы не можем принять такое положение вещей, чтобы СССР ликвидировал наши права путем передачи их третьему лицу. Этот вопрос мы можем обсуждать только с СССР.

Я не нахожусь здесь для выдвижения конкретных предложений западных держав. У меня нет полномочий говорить от имени других стран, хотя, конечно, я знаю их позицию, знаю, в чем заключаются их жизненные интересы, и между нами существует определенная договоренность на этот счет. Все эти вопросы нельзя надлежащим образом обсудить, если Советский Союз будет настаивать, что можно вести обсуждение лишь конкретного предложения о мирном договоре, которое внес Советский Союз.

Хотел бы сделать еще одно замечание и привлечь Ваше внимание к различию между теоретической и действительной стороной этой проблемы. Советское правительство называет нынешнее положение в Германии состоянием войны. Но это теоретическая концепция, это юридическая фикция, поскольку на самом деле за весь период, прошедший после окончания второй мировой войны, в этом районе не велось никаких военных действий. Сейчас вы хотите положить конец этому, причем так, чтобы глубоко нарушить жизненные интересы западных держав.

Вы говорите о суверенитете Восточной Германии. Это юридическая концепция. Мы сейчас не спорим о том, кто действительно пользуется суверенитетом в Германии, мы не пытаемся утверждать, что мы сами пользуемся полным суверенитетом. Но в практическом плане доступ к Западному Берлину не нарушает суверенитета кого бы то ни было, не нарушает суверенитета тех, через чью территорию пролегают пути доступа. Если, таким образом, оставить в стороне теоретический аспект и посмотреть на практическую сторону вопроса, мы не сможем найти ничего, что нарушало бы жизненные интересы Советского Союза. Однако Советский Союз хочет нарушить жизненные интересы западных держав.

Таким образом, необходимо провести различие между теоретической и практической сторонами вопросов о мирном договоре, суверенитете и доступе. Необходимо точно уяснить, какие реальные факты существуют под покровом юридических понятий и как они связаны с нашей безопасностью и жизненными интересами.

Ульбрихт ясно заявил, что его позиция имеет целью не достижение технической договоренности, которая позволила бы обеспечить движение между Западным Берлином и внешним миром, а оказание влияния на Западный Берлин с целью навязать ему свою волю. Это видно из его ссылки на тех лиц, которые будут допускаться или не допускаться в Западный Берлин и тому подобное. Иными словами, он говорит о положении в самом Западном Берлине, о событиях, которые происходят там, т.е. о том, что для Н.С.Хрущева, по его собственным словам, не представляет интереса. (Говоря о высказываниях В.Ульбрихта, Раск вертел в руках переданную ему Боленом подборку каких-то цитат из выступлений товарища В.Ульбрихта).

Отвечая Раску, заявил: Хорошо, что и с точки зрения Запада признается, что положение в Западном Берлине является неудовлетворительным. Это важное заявление. Во время Женевского совещания министров иностранных дел в 1959 году тогдашний государственный секретарь США Гертер также высказывался в том смысле, что положение в Западном Берлине является ненормальным. То, что Раск от имени нового американского правительства подтверждает это мнение, это положительный факт. Однако правительство США в таком случае должно пойти дальше и сделать вывод о необходимости исправить это положение, чтобы сделать его удовлетворительным, т.е. ликвидировать оккупационный режим в Западном Берлине на основе мирного договора.

Со своей стороны Советское правительство считает, что положение в Западном Берлине не только ненормальное, но

опасное, и выдвинуло предложения, направленные на его исправление путем создания вольного города. Повторяю, ответ на вопрос о том, как исправить нынешнее ненормальное положение в Западном Берлине, прост: необходимо заключить мирный договор, зафиксировать юридически положение, сложившееся в Германии, которое характеризуется прежде всего созданием двух суверенных государств - ГДР и ФРГ.

Состояние войны в Германии, продолжал я, - это не юридическая фикция. Быть может, вам оно и кажется таким, но мы придерживаемся на этот счет совсем иного мнения. Если все еще не признаны нынешние германские границы, как и граница между двумя германскими государствами, если вся политика Западной Германии пропитана духом реваншизма и если это государство развивается по милитаристскому пути, то это не просто теория и тем более не фикция. Для нас мирный договор - это как раз вопрос о том, что Вы называете жизненными интересами СССР, вопрос об ограждении этих наших законных интересов, вопрос о нашей безопасности.

Вы говорили о правах западных держав в Западном Берлине, где все еще сохраняется оккупационный режим. Права западных держав проистекают из капитуляции гитлеровской Германии и сохраняют свою силу до тех пор, пока сохраняется состояние войны, пока нет мирного договора. С подписанием мирного договора эти права прекращаются. Если бы дело обстояло иначе, то тогда в норму вошло бы такое положение, при котором одна сторона имела бы право применить своего рода вето и лишить другую сторону возможности заключить мирный договор с двумя существующими германскими государствами, а в случае отсутствия договоренности - с одним из германских государств. Как ясно заявил президенту Кеннеди Н.С.Хрущев, мы не признаем за западными державами права лишать Советский Союз и другие заинтересованные государства права заключить мирный договор.

Заключение мирного договора изменит положение в Западном Берлине в том смысле, что западные державы должны будут строить свои отношения с Западным Берлином на другой основе - на основе договоренности с ГДР. Вы заявляете, что не готовы идти на переговоры с В.Ульбрихтом, но ведь В.Ульбрихт, Германская Демократическая Республика и ее правительство существуют, независимо от того, признают или не признают их США и другие западные державы. Поэтому в связи с новым положением, которое возникнет вследствие заключения мирного договора, у западных держав будет только один выход - иметь дело с ГДР и ее правительством, т.е. с В.Ульбрихтом. Вы говорили о готовности иметь дело с Советским Союзом. Но Советский Союз может иметь отношение к гарантиям доступа в Западный Берлин только в случае, если будет найдено согласованное решение, т.е. в случае договоренности между Советским Союзом, западными державами и ГДР, так как в этом случае Советский Союз будет одним из гарантов. Если же не будет такого согласованного решения, т.е. если мирный договор будет подписан только с одним германским государством - с ГДР, то как же Советский Союз сможет иметь отношение к гарантиям каких-то прав западных держав. Тогда у западных держав не будет иного выхода, кроме как иметь дело только с ГДР.

Я хотел бы повторить со всей силой то, что сказал Н.С.Хрущев в Вене президенту Кеннеди. Если будет найдено согласованное решение вопроса о заключении германского мирного договора, то мы убеждены, что вопрос о доступе в Западный Берлин нашел бы свое удовлетворительное решение как для ГДР и Советского Союза, так и для западных держав, и вообще для всех заинтересованных сторон.

Вы заявляете, что не можете положиться на ГДР. Это необоснованные утверждения.

Все высказывания В.Ульбрихта, которые хорошо известны нам, подтверждают готовность правительства ГДР заключить мирный договор и взять на себя обязательство вместе с Советским Союзом и западными державами уважать то, о чем бу-

дет достигнута договоренность. Хочу повторить то, что я говорил во время нашей первой беседы: Если великие державы не будут полагаться на силу даже собственных обязательств по гарантиям, то трудно вообще говорить о возможности любых соглашений. Но Советское правительство считает, что нет никаких оснований сомневаться в надежности соглашений, под которыми стояли бы подписи СССР, США, Англии, Франции и ГДР.

Я хотел бы обратить Ваше внимание на то, что, к сожалению, Вы не ответили на те вопросы, которые были нами поставлены в ходе беседы с целью уточнить Вашу позицию. Это, конечно, Ваше дело, но неясность в отношении этих вопросов не может облегчить наши беседы. Вы сказали, что наша позиция дает слишком узкую основу для переговоров и упомянули о более широких вопросах, намекнув при этом на возможность внесения каких-то предложений с Вашей стороны. Мы говорим, что готовы выслушать Ваши предложения, но Вы, к сожалению, не даете своих предложений. Ваши союзники также не дают таких предложений. Вы делаете какие-то намеки, но именно только намеки.

Во время прошлой беседы я назвал мирную конференцию как наиболее эффективной и подходящей формой для рассмотрения мирного договора и от имени Советского правительства высказался за необходимость ее срочного созыва. Вы тогда определенно не реагировали на это высказывание. Я хотел бы подтвердить, что, по мнению Советского правительства, созыв мирной конференции отвечал бы цели согласованного решения вопроса о заключении германского мирного договора.

Хотел бы подчеркнуть, что о нашей позиции надо судить по всей совокупности заявлений Советского правительства о мирном договоре, включая заявления по вопросу о гарантиях в связи с установлением для Западного Берлина статуса демилитаризованного вольного города. Может быть, тот факт, что Вы иногда как бы не замечаете этих заявлений, объясняется какими-то тактическими соображениями. Это ваше дело. Мы имеем в виду наши предложения о строгих гарантиях, обеспечивающих

соблюдение статуса вольного города Западный Берлин. Однако я хотел бы вновь привлечь к ним, к этим нашим предложениям ваше внимание, поскольку они дают возможность сузить расстояние, которое отделяет наши позиции по вопросу о мирном договоре и урегулировании на его основе положения в Западном Берлине.

Отвечая мне, Раск сказал, что Советское правительство неоднократно заявляло в прошлом, что существуют две Германии. Действительно де-факто существуют две Германии. Однако это еще не все: есть еще и Западный Берлин. Одна из основных проблем в этом отношении состоит в том, что берлинский вопрос не может быть решен на основании решения вопроса о Восточной Германии, так как эти два вопроса имеют разный фон, разную историю и связаны они с разными обстоятельствами. Никакое соглашение с ГДР не может ликвидировать наши права в Берлине. Это разные вещи и это очень существенный вопрос.

Вы говорите, что в моих словах нет достаточной ясности, в частности по вопросу о доступе. Однако нас удивляет, что этот простой вопрос представляется вами как исключительно сложный. Суть вопроса заключается в том, что мы имеем определенные права доступа и вы с 1945 года признавали эти права, за исключением того периода, когда между нами были некоторые трудности по этому вопросу. В отношении этого доступа Советский Союз имеет определенное обязательство по отношению к западным державам. Мы не видим, что вы имеете в виду для обеспечения наших прав. Вы говорили об обеспечении наших прав, однако, Ульбрихт на этот счет говорит другое. Здесь Раск зачитал из упомянутой справки, переданной Боленом, выдержку из заявления В.Ульбрихта от 15 июня с.г., в которой сказано, что мирный договор определит, что будет и что не будет допущено в Западном Берлине.

Между тем вопрос о доступе, - продолжал Раск, - легко можно было бы разрешить вашим заявлением, что наши права будут признаны любым соглашением, которое будет заключено с Восточной Германией. При отсутствии такого заявления мы не можем не видеть, что цель ваших предложений заключается

в том, чтобы существенно изменить положение в отношении наших прав и нашего присутствия в Западном Берлине. При этом я не думаю, что нужны какие-либо пояснения в отношении наших прав в Западном Берлине. Это известный вопрос. Но если есть какое-то сомнение относительно наших прав, мы могли бы дать соответствующие разъяснения. Однако мы не видим причин, по которым нужно было бы осложнять этот вопрос. Основная трудность здесь, по нашему мнению, заключается в том, что вводятся новые элементы в наши права и отсутствует ясность, какие мыслятся переговоры.

Я хотел бы теперь вернуться к другому вопросу, который был затронут мной в начале нашей беседы. Мне лично - и я говорю здесь не от имени всех западных держав - представляется, что, если будет существовать ясное понимание положения в Берлине, то это откроет путь для дискуссий, направленный на нормализацию положения в Германии, повышение стабильности в Европе, включая вопросы безопасности, которые, может быть, целесообразно обсудить. Однако в условиях, когда наши права в Западном Берлине находятся под вопросом, нам трудно делать какие-либо заявления по вопросу европейской безопасности.

Я уже говорил на прошлой беседе, продолжал Раск, что вокруг наших прав нет никакой тайны. Эти права существуют в виде доступа в Западный Берлин по суше, воде и воздуху. Если в этот вопрос будет внесена ясность, то можно было бы договориться о том, чтобы созвать совещание представителей четырех держав. Однако я не могу создавать у Вас впечатление, что мы согласимся с тем, что какой-либо договор с ГДР может повлиять на наши основные права в Берлине, ибо Берлин территориально и в других отношениях не относится к ГДР.

Мы со своей стороны тщательно рассмотрели все советские предложения об обеспечении доступа. Основное впечатление, которое сложилось у нас - это неопределенность в отношении наших прав доступа и в отношении взаимосвязи вопроса о доступе с другими вопросами. Вот что для нас жизненно важно и существенно. Поэтому главное внимание мы концентрируем на

этом, быть может даже в ущерб тем вопросам, которые могли бы быть обсуждены кроме того.

По вопросу о мирной конференции я на прошлой беседе действительно не высказался и сейчас хочу только вкратце высказать несколько замечаний. Важно обеспечить положение, при котором любое совещание государств имело бы успех и нашлась бы общая почва между точками зрения держав, которые главным образом заинтересованы в обсуждаемых вопросах. Однако я не вижу, как можно обеспечить такой успех без предварительной договоренности между правительствами, которых это главным образом касается. Таким образом, надо до рассмотрения возможности созыва какого-либо совещания выяснить позиции сторон, которые главным образом заинтересованы, пути сближения этих позиций и затем определить, как оформить достигнутую договоренность.

На этом беседа, продолжавшаяся три часа, закончилась. Раск предложил продолжить ее утром в субботу, 30 сентября, на что мы согласились.

К W 3384/к